

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Романтическая историография

В прошлой лекции я мимоходом отметил, что Французская революция ознаменовала появление современных идеологий. Новые идеологии, во многом обусловившие тот политический ландшафт, в котором мы пребываем по настоящее время, дали начало основным историографическим направлениям эпохи Романтизма. Конечно же, это было связано с тем самым историческим чувством, что возникло и развилось в данный период, что отделяло Романтизм от продолжающего мыслить внеисторическими категориями Просвещения. Романтики видели в истории ключ к пониманию настоящего момента, что и объясняет присутствие сильнейшего исторического измерения в вышедших из Французской революции политических доктринах. По большому счету, эти доктрины представляли планы по переустройству общества на основе своих представлений о сути исторического становления.

Перед тем как мы коснемся главных направлений историографии романтизма, следует разобраться в самих идеологиях: консерватизме, либерализме, социализме. На самом поверхностном уровне их отличало друг от друга отношение к Французской революции и ее наследию. Так, идеологи консерватизма считали Французскую революцию величайшей бедой, свалившейся на человечество. Они ратовали за возвращение к органическим принципам общественной солидарности, характерным для старого, предреволюционного порядка. Либеральное движение было довольно результатами Революции, его основным посылом. Либералы воспринимали себя стоящими на страже главных завоеваний революции: политических свобод, равенства перед законом, конституционализма и гарантий неприкосновенности частной собственности. Либерализм, безусловно, являлся принципиальным идеологическим течением.

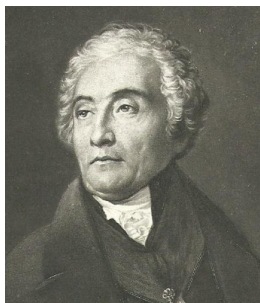
В противоречие с ним входил социализм, доктрина, считавшая дело революции далеким от завершения. Следуя социалистам, истинное равенство и свобода не могут быть достигнуты в условиях существования права на неограниченную частную собственность. Поэтому за Французской революцией должна была наступить следующая, социальная революция, что установит социально-экономическое равенство.

Если либерализм «индивидуалистичен», социализм с консерватизмом главенствующим признавали «социальное начало». Приоритетом для последних были не абстрактные индивидуальные права, а общественное благополучие и гармония.

Теперь мы перейдем к идеологически-окрашенным направлениям в историографии. Консерватизм и либерализм будут в центре нашего внимания. К социализму мы вернемся в нашей следующей лекции.

Как я уже сказал, консерваторы были настроены враждебно по отношению к Французской революции, да и вообще к революции как к практике изменения общественного строя. Основоположник идеологии, ирландец Эдмунд Берк, видел причины бедствий, порожденных революцией, в механическом «разуме» Просвещения. Философы XVIII века, отказавшись прислушиваться к «мудрости предков», предложили свои, основанные на абстракциях, планы общественного переустройства. Попытки реализовать эти планы привели к хаосу и террору, разрушению органического общества и появлению нежизнеспособных химер.

Играя на контрастах между Францией и Англией, Берк подчеркивал, что успех последней зиждется на естественном развитии общества, христианской морали, уважении перед традицией и институтами власти.

Консервативная мысль нашла сторонников и в стране, породившей революцию, Франции. Савойяр Жозеф де Местр видел в революции наказание за общую греховность народа. Движение в истории, по де Местру, приходило в соответствие с Божественным Провидением. Лучшим отражением Божественного порядка де Местр считал монархию, ограниченную церковными предписаниями, подчиненную Римскому папе.

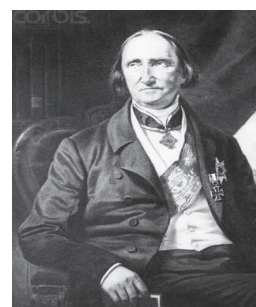
Французский романтический писатель Франсуа Рене де Шатобриан утверждал, что единственным революционным событием в мировой истории было пришествие Христа. Именно оно заключало в себе потенциал изменения жизни людей в лучшую сторону. Автор обращался к средним векам, как к идеалу человеческого сосуществования, когда, по его мнению, христианство вдохновляло искусства, облагораживало нравы.

Широко консервативная историография была представлена и в германоязычном пространстве.

Как и французские современники, немецкие консерваторы обращались к средневековому прошлому, утверждая, что именно там, в период патриархальных отношений, дух народа мог реализоваться в полной мере. Такая среда была гарантом как социальной гармонии, так и творческой силы, проявившейся в развитии народной культуры, религиозных воззрений и праве.

Именно к истории права обращались немецкие консервативные историки – Фридрих Карл фон Савиньи и Карл Фридрих Эйхгорн. Если философы Просвещения считали закон отражением универсальной человеческой природы, то для Савиньи закон был порождением индивидуального национального гения. Попытки установления общего для всех права – провозглашенных Французской революцией «свободы, равенства, братства» – были обречены, так как противоречили природе. Исследователи уделяли внимание историческому развитию региональных законов, чтобы в традиции усмотреть их происхождение.

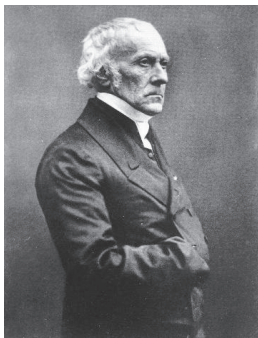
Либеральная идеология наиболее сильно выразилась во французской историографической школе, что неудивительно, учитывая функцию революции в формировании постреволюционной французской гражданской идентичности. Попытка воссоздания дореволюционного строя оказалась во Франции неудачной, и уже в 1830 году Бурбоны сменяются буржуазно-конституционной Июльской монархией Луи-Филиппа – короля не «Франции», а «французов». Этой монархии был положен конец революцией 1848 года, приведшей к кратковременной республике. В 1851 году на смену республике в результате переворота, утвержденного референдумом, пришла популистская империя Луи Наполеона, известного как Наполеон III.

В этом контексте и появились произведения талантливых либеральных историков первой половины XIX века – Огюста Тьерри, Франсуа Гизо, Адольфа Тьера. В их трудах соединились плодотворные идеи просвещения и романтизма. У Просвещения была заимствована критика дворянской аристократической системы управления, как и убеждение в возможности рационального познания и прогрессивного движения человеческих обществ. От Романтизма либеральные историки подчеркнули мысль об органическом развитии общества. Революция при этом не рассматривалась как вторжение извне в общественный организм. Историки усматривали в революции проявление долгосрочных реформистских устремлений общества и государства.

В таком именно ключе написаны работы Огюстена Тьерри. Его история – это «история граждан, история подданных, история народа». В отличие от немецких консервативных историков, рано проявивших тенденцию к идеализации народа, или даже к некоей мистификации этого понятия, французские историки, Тьерри в том числе, редко наделяли народы какими-то особыми, не поддающимися рациональному взгляду, чертами. Чаще всего, под народом понималось третье сословие – буржуа и простолюдины. Вторя мысли германистов, Тьерри считал, что со времен германского завоевания Галлии во Франции существовали две нации: господ-германцев и подданных галло-римлян. Эти две нации вели борьбу за сохранение власти или обретение свободы.

Французская революция была кульминацией этой борьбы, триумфом отождествляемого с народом «третьего сословия».

Идея борьбы как главной движущей силы истории была характерной для романтизма. В дальнейшем мы увидим ее отображение в философии истории Гегеля и Маркса. Во Франции парадигма борьбы нашла дальнейшее развитие в работах Франсуа Гизо. Главной составляющей французской истории, по его мнению, было противоречие между социальными группами, «борьба между сословиями».

К либеральной школе следует причислить и выдающегося историка Жюля Мишле. В своих произведениях – многотомных «Истории Франции» и «Истории Французской Революции» – Мишле сделал главным героем простой народ. Он стремился описать историю «снизу» путем сопереживания и вчувствования в коллективные ожидания. Кроме того, одним из первых Мишле приступил к работе с архивными документами.

Его сочинения отличает детальное описание исторических событий, облеченное в художественную форму, по стилю напоминающую эпическую поэму.

В этом проявилась одна из главных особенностей романтической историографии – соединение тщательной работы с источниками и установки на научность и яркую художественность текста. Происходило сближение принципов эрудитского знания, литературной политической истории и идеи научности, важное для ранней профессиональной историографии.

В России важным текстом, написанным в рамках романтической традиции, стала 12-томная «История государства Российского» Николая Карамзина. Задуманная как «занимательное чтение», работа доказывала преимущество абсолютной монархии. При этом Россия и Запад не противопоставлялись друг другу. В соответствии с романтическими идеями, автор полагал, что различные народы были частями единой исторической картины, где каждый воплощал определенный этап становления человечества.

В труде Карамзина было много неточностей, исторических мифов, взятых без должной критики, но, написанная живым языком, она стала толчком, побудившим общественный интерес к собственной истории.

Разногласия в историографии в России проявились в виде спора между славянофилами и западниками. Первые, олицетворяя консервативное крыло общественного мнения, считали, что петровские реформы оторвали Россию от естественного пути развития.

Россию, как писал историк и публицист Михаил Погодин, отличало от Европы то, что история ее начиналась не с завоевания, а с мирного призвания варягов на царствование. Однако, то самое, кроющееся в акте приглашения варягов, «единение царя с народом», о котором писал Погодин, было поколеблено. В результате реформ пагубные влияния Европы коснулись всего общества, взаимоотношений между помещиками и крестьянами. По мнению славянофилов, уповать следовало на потенциал русской общины как носителя высшего начала, которому предстояло очищаться и возвышаться.

Им оппонировали западники, считавшие, что многовековая отсталость России может быть преодолена лишь активным заимствованием европейских институтов. Один из самых видных представителей западничества Тимофей Грановский обращал внимание читателей и слушателей не на особенности русского пути, мировоззрения, нравов, а на общечеловеческие ценности. Равно как и философы Просвещения, Грановский был убежденным сторонником идеи всемирного становления. Наравне с романтиками он видел смысл истории в развитии «духа рода человеческого». Европа казалась ему той самой моделью, образцом для России, движущейся к большему либерализму.

Связь литературы и истории, проявившаяся в художественной обработке исторического материала, становилась менее безусловной по мере профессионализации истории. Историками разрабатывались новые методы критического анализа как источников, так и базовых концепций исторической интерпретации. Работа в этом направлении была связана с именем немецкого историка Леопольда фон Ранке. Именно ему принадлежал известный тезис, что историк должен писать историю так, как это происходило на самом деле. Это подразумевало максимальную аккуратность и доскональность в работе с документами прошлого, предпочтение точности абстрактным теориям Просвещения и Романтизма.

Тем не менее, труды Ранке вписываются в романтическую традицию. Ранке считал, что историк должен говорить с источниками их же языком, уметь оперировать теми концептами, из которых и складывалось мировоззрение исследуемого им периода. Это означало умение сопереживать далекому времени. Кроме того, Ранке считал, что ход истории определялся Провидением, и каждая деталь прошлого носила отблеск Божественного замысла.

Ранке возвел источниковедение в отдельную дисциплину. В его родном Берлинском университете Ранке создал новый семинар, который он сам и вел, где критически анализировались источники по средневековой истории Германии. Сам Ранке считал, что критерием отбора свидетельств для немецкого автора было их значение для последующего развития событий. Именно поэтому он отдавал предпочтение документам официального характера – указам и декретам, официальной и секретной переписке, договорам о мире и войне.

Такой подход оказал огромное влияние на историографию XIX и XX века. Ранке и его последователи считали историю познаваемой. Картина прошлого не могла быть амбивалентной по своему характеру, как не мог, в представлении представителей естественных наук, быть амбивалентным образ естественного миропорядка. Следуя примеру своих коллег-физиков, ученики Ранке попытались создать твердые принципы познания прошлого, способные выделить истину из нагромождения фактов. Таким образом истории придавался статус научного знания.

Многочисленные работы Ранке, его критический метод анализа источников и его общие представления о целях и задачах истории легли в основу новому историческому направлению, позитивизму.

О позитивизме мы поговорим в 17 лекции. Следующие две лекции будут посвящены большим историко-философским схемам, разработанным в XIX столетии с целью познания сути мирового развития.